

РОМАН КОЖУХАРОВ

***ИСКУПИТЬ
КРОВЬЮ!***

МОСКВА

ИСКУПИТЬ КРОВЬЮ!
ВОЕННЫЕ РОМАНЫ О ШТРАФНИКАХ

РОМАН КОЖУХАРОВ

***ИСКУПИТЬ
КРОВЬЮ!***

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К58

Художник *Борис Аджиев*

Кожухаров, Роман Романович.

К58 Искупить кровью! / Роман Кожухаров. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Искупить кровью. Военные романы о штрафниках).

ISBN 978-5-04-217981-5

Самые кровавые дни Великой Отечественной войны. Командиру взвода отдельной армейской штрафной роты Колобову приказано форсировать реку Вытебеть, а затем штурмовать высоту 200. Немецкая линия обороны окольцевала высоту 200 в два яруса. Там же располагаются доты с пулеметами, батареи минометов и легких пушек. Опытные военачальники понимают, что для одной роты эта задача невыполнима и штрафников отправляют на убой.

Так и вышло. Взвод Колобова уткнулся в пулеметные гнезда и лег посреди поля — как на стол. Взводного убили в первые часы боя. Взвод остался без управления и поддержки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-217981-5

© Кожухаров Р.Р., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

ВЫСОТА 200

I

— Я — Шу-Ра! Я — Шу-Ра! Белый Верх, ответьте! Я — Шу-Ра! Я — Шу-Ра!..

Радист сорвал с головы наушники. И тут же взрывная волна отбросила его на дно траншеи, в самую жижу. Падая, радист ударил Андрея по скуле каблуком сапога.

Наверное, когда снимешь наушники, этот рев слышен совсем по-другому. Так подумал Аникин, потеряв ушибленную скулу. Каблук кованый. Трофейный. Шура, черт его дери. Надо ж так оказаться. Самого зовут Шура, и позывные у роты тоже Шу-Ра. Одно слово — тезки...

Андрей поначалу не понимал, чего их мотострелки и танкисты за спиной «шуриками» кличут. Потом уже Теренчук объяснил. У всех штрафных рот, говорил старшина, позывные одинаковые. Какой-то умник окрестил. Почти сразу, как штрафники на пе-

редовой появились. После сталинского «Ни шагу назад!». Шутников в окопах хватает, вот и приклеились позывные. Да так, что не отдерешь. По бумагам ОАШР — отдельная армейская штрафная рота. В радиоэфире коротко и ясно — Шу-Ра. А тут еще Бабенко, радист роты, оказался Александром. Да только Сашей его в роте никто не называл. Ни Саней, ни Сашкой. Шура, и все тут.

Аникин вжимался в липкую грязь бруствера, стараясь по звуку летящих мин угадать, куда они упадут. Ложатся левее. По взводу Марчука бьют. И штаб к ним ближе. Немецкие мины сыпались на плацдарм без передышки. Хотя плацдармом этот пятачок земли язык назвать не поворачивался. Кусок непролазной грязи, прилепившийся к самой кромке реки. Рота — ошметки ее, выжившие после переправы через реку Вытебеть, — вгрызлась в этот пятачок вчера вечером. Вернее, увязли. Всю ночь, под непрекращающимся обстрелом, Андрею казалось, что они вместе с куском непролазной грязи медленно сползают обратно в реку. Но грязь и спасала им жизни.

Склон создавал фашистам прекрасную зону обстрела. От кромки воды берег пологим наклоном уходил вверх, к высоте 200. Где-то за ней — Белые Верхи. Те самые, мать их «вытебеть», которые они должны взять штурмом, выбравшись из самого дна черной грязи. Линия обороны окольцовывала высо-

ту 200 в два яруса. Сработано на совесть. Доты с пулеметами, батареи минометов и легких пушек.

С первого, ближнего к ним яруса — метров с четырехсот — немцы всю ночь били из минометов. Но в атаку не шли. Пытались на расстоянии скинуть роту в реку. Третьи сутки льет как из ведра, плюс немецкие мины и лопатки штрафников.

— Это ж не лопатки, это ж вылитые грязечерпалки... — пытается шутить Бесфамильный. А Колобов шуточку не поддерживает:

— Неважно, как ты ее назовешь. Главное — черпай побыстрее... И радуйся, что не руками роешь...

Это правда. Лопатки в роте есть не у всех. Кто-то смекает, приспособившая под «грязечерпалку» каску. Кошелев молчит и про порчу имущества не заикается. Момент не тот. Надо как можно быстрее поглубже врыться. К тому же по непонятно откуда усвоенному общеармейскому окопному принципу касками штрафники по назначению почти не пользуются. Что обстрел, что в атаку — в одних пилотках. Неудобные они, во время бега на глаза наезжают. Сталь «жидкая», как говорил Теренчук, все одно не спасает. Даже маленьким осколком — тюк и... дырка и в стали, и в коробочке черепной. А под землеройку использовать — жижа позволяет в самый раз...

Так, под вражескими минометами, мельканием лопаток и касок прибрежный глинозем быстро пре-

вращался в сплошное месиво. Уже не разберешь, где грязь, где гимнастерка, а где солдатские кожа да кости...

II

Вчера, во время форсирования реки, в кровавый бульон превратилась вода. Выше по течению переправлялись кавалеристы. У тех наведение понтонов было налажено по-взрослому. Не то что штрафники со своими подручными средствами — плотами да бревнами. К переправе конногвардейцы готовились, как по учебнику. Теренчук еще предположил, что, наверное, своих саперов имеют. «А нас эта Вытебеть точно вы...» — матерно сострил Крагин. А Теренчук его оборвал. «Не каркай», — сказал. Как в воду глядел старшина. То есть смотрел он в буквальном смысле слова — в воду. И ведь не суеверный был человек, по-крестьянски основательный. Ко всему относился философски. «Чему быть, того не миновать», — повторял. Может, предчувствовал, что через час с небольшим и его «не минует», что утащит его смерть в эту кроваво-зеленую мглу?

Пока разворачивали понтоны, кавалеристы укрыли личный состав в перелеске прибрежном. Дождь льет как из ведра, на берегу пусто. Только кавалерийские саперы колотят своими молотками, сразу в нескольких местах понтоны готовят. А нем-

цы как раз на роту переключились и стрелковый батальон, который между штрафниками и кавалеристами втиснулся. Пехотой немцы даже больше заняты — сгрудились, как овцы на водопое, шум, гам, неразбериха — для пулеметов немецких самый раз. Те и рады: очереди пулеметные посылают и мины швыряют. Но как-то вяло, будто на психику давят: это мы, мол, только пристреливаемся, а вот сунетесь в реку, тогда узнаете.

Вдруг, как по команде, из перелеска хлынул живой поток — лошади, люди, повозки. Все больше лошади, людей почти не разглядеть. Это кавалерия первую партию пустила, на понтоны. А те в два ряда к берегу пришвартованы. Как только наполнились, саперы давай их с правого края толкать палками, разворачивать по течению, чтобы в аккурат к тому берегу правый край причалил. А немцы будто ждали. Из всех стволов, какими была высота их проклятая напичкана, принялись лупить. И шестиствольными минометами, и пушками. И пристреливаются все точнее. На понтонах заходило все ходуном, там свои волны точно заплескались. Раненые животные метаться начали, в воду прыгают и сами плывут — кто на тот берег, кто обратно. Только морды вытянутые видны. А потом «юнkersы» появились. Начали утюжить бомбами вдоль русла. И почему-то именно к кавалеристам привязались. Топят один за другим. Потом до немцев доперло, что основные си-

лы в перелеске прячутся. Или координировал кто их авиацию. «Юнкерсы» давай сыпать туда свои бомбы. И «мессеры» налево и направо из пулеметов полосуют. Вот тогда началась паника. Из перелеска хлынуло: лошади обезумевшие, люди... повозки в щепки, кто на понтон, кто в воду. А «мессеры» с «юнкерсами» дуреют от запаха крови и безнаказанности: как стервятники, кружат над рекой и рвут живое мясо в клочья.

Аникин и еще Саранка и Теренчук держатся за бревно, к нему оружие и вещмешки привязаны. Сверху мины и бомбы сыплются, а вода вокруг будто кипит: от крови красная, в ней — каша из копыт, трупов солдатских, крупы разорванные плывут, головы лошадиные, некоторые еще режут в агонии — истошно так, жутко. Ближе к тому берегу, там, где течение выбиралось на стремнину, Теренчука и не стало. Вскрикнул только — точно как лошадь раненая, глаза как-то дико закатил, затылком бритым о воду ударился. И канул. А винтовка его — СВТ драгоценная, которую старшина холил и лелеял, окопной женой называл, — осталась к бревну привязанной. Аникин ее на берегу и отвязал, вместо своей «мосинки». Следом на берег выбрался взводный.

— Наши-то где, так вашу растак? — матерился Колобов, тоскливо озираясь на растерзанную фашистами реку. На чем свет стоит ругал штабных

крыс дивизии. По его словам, Углищеву, командиру штрафников, командование обещало в ходе форсирования Вытебети и наступления на Белый Верх поддержку с воздуха и танками. Пока «юнкеры» и «мессеры» творили что хотели, ни одного нашего самолета прикрытия так и не появилось.

— Они нас лошадьми, гады, прикрыли, — рычал от бессилия взводный. Он сильно переживал потерю Теренчука. Много держалось в роте на старшине. Но доля правды в словах Колобова была. Кавалеристский корпус отвлек на себя внимание немцев, и это позволило штрафникам не только преодолеть водную преграду с меньшими потерями, но и с ходу зацепиться за берег и расширить плацдарм.

За ночь, под минометным обстрелом, они сумели углубить траншеи. И ничего, что за шиворот и за голенище льет и нет на теле сухой нитки. Все в грязи вываляны и вымазаны. «Точно черти из ада», — скалится Бесфамильный. Дно траншеи тут же превращалось в жижу, и они скорее не рыли, а вычерпывали жидкую грязь, как из тонущей в болоте лодки.

III

Уже под утро они узнали, что ночью ротной разведке удалось перебраться обратно на левый берег. И вернуться. С кабелем и новыми указаниями штаба дивизии. Им предстоял штурм высоты 200. При

поддержке танков. Вместе с танкистами штрафники должны овладеть Белым Верхом.

— Не отвечают, товарищ Колобов! — крик ради-ста еле продрался сквозь вой минометов.

— Надеть наушники! — захрипел Колобов, с трудом выдираясь из жижи. Он даже не пытался отряхнуться.

— Вызывать «Белый Верх»! — срывающимся голосом скомандовал взводный. — Вызывать! Пока не ответят...

Матерясь, он повернулся к Аникину. Андрей с трудом узнал его. Запаханное грязью, оно было перекошено судорогой смертельной усталости. Вдруг лицо его посветлело.

— Ты чего учудил? — спросил он, кивнув на винтовку Андрея. Цевье и затвор были обмотаны портянкой.

— Товарищ командир, оружие чтоб не сгубить. В грязище этой. «Эсвэтэшка» — она же как женщина. Как старшина говорил? За ней уход нужен.

— Да... старшина... Овдовела винтовка Теренчука... — отрешенно откликнулся Колобов.

Матерную ругань Колобова — командира взвода отдельной армейской штрафной роты — накрыл стремительно нарастающий рев. Снаряды тяжелых гаубиц ни с чем не спутаешь. Звук летящих «стопятидесятимиллиметровок» пронимал до самых кишок, вызывая утробное ощущение неминуемой смерти.

— Ложись!..

Андрею приказа командира дожидаться не надо было. Он зарылся прямо в жижу. Это самое надежное. Прямое попадание в окоп тяжеленного «чемодана» (так бойцы называли снаряд стопятидесяти-миллиметровой гаубицы) выбрасывало в траншею мощнейшую ударную волну. По инерции она могла пройти несколько метров, кореза на своем пути любую преграду.

Аникину приходилось видеть потом последствия такого цунами: перекорезанные винтовки с погнутыми, словно медная проволока, стволами, сплюснутые, как консервные банки, солдатские каски и котелки. И тут же вповалку, как кули на мельнице, тела их бывших хозяев. Картина, от которой волосы шевелились: трупы, голые, словно аккуратно разделанные страшной силой ударной волны. На самом деле, это были «человеческие мешки» — с кожей, лишенной видимых повреждений, набитой разорванными внутренностями и перемолотыми, как в молотилке, костями.

Саранке под обстрел тяжелых гаубиц попадать еще не приходилось. Он прижался к стенке траншеи.

— Ложись! Падай! — Аникин схватил Саранку за обмотку и с усилием дернул. Это движение, на долю секунды опередившее волну разрыва, и спасло рядового Иванчикова. Почва толкнула Андрея несколько раз. Словно кто-то надавил стальными пальцами на

барабанные перепонки, и Аникин почувствовал, как по спине шлепают комья земли.

Выбравшись из тяжелого завала грязи, Андрей огляделся. Над ним склонился Колобов. Над головой свистели пулеметные очереди.

— Гады, из тяжелых бьют. «Стопятидесятимиллиметровки». Ночью перебросили на наш фланг. Углицеву обещают танки. В поддержку. Сейчас в атаку полезем. Наша задача — высота.

— Где Саранка? — приходя в себя, огляделся Аникин. — Рядом был, когда накрыло нас.

Рука, тонкая, мальчишеская, торчала из комьев мокрой земли в углу поворота траншеи. Андрей и взводный бросились откапывать Иванчикова. Тот дышал.

— Видимых повреждений не имеется... — деловито осмотрев солдата, заключил взводный. — Э, да он, похоже, в обмороке...

Колобов отвесил Саранке две увесистые оплеухи.

— Вместо нашатыря... — подытожил взводный и протянул ошарашенному бойцу свою флягу. Саранка отпил и закашлялся.

— Жжет... — судорожно прошипел он.

— Жжет? Значит, живой... — Колобов тоже сделал глоток из фляги и протянул ее Андрею.

— Значит так... Марчук наступает по правому флангу. Они идут встык с пехотой. По центру — Нечаев. Мы держимся линии левого дота. Тот, что к ов-